

УДК 008

Шарипов А.М.

*Академия переподготовки работников искусства,
культуры и туризма (г. Москва)*

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР КРИЗИСА РОССИЙСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ В НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОМ
ДИСКУРСЕ НАЧАЛА XX в.**

A. Sharipov

Academy for Retraining in Arts, Culture and Tourism, Moscow

**SOCIO-CULTURAL FACTOR OF RUSSIAN CIVILIZATION CRISIS IN THE
EARLY 20TH CENTURY SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL DISCOURSE**

Аннотация. Статья раскрывает тенденцию преодоления российской научной интеллигенцией радикально-нигилистических настроений на рубеже XIX–XX вв. Авторами сборников «Проблемы идеализма» и «Вехи» задолго до революционного краха Российской империи разоблачались разрушительные «идеалы революции», закладывалась традиция позитивного социокультурного анализа цивилизации и готовилась идейная почва объединения общества на либерально-консервативных началах. Именно тогда началось осознание ведущей роли культурного слоя нации. Наследие «веховской» научной традиции злободневно точно социально-философского анализа Российской цивилизации и ныне востребовано учёным обществом России.

Ключевые слова: цивилизация, интеллигенция, либерально-консервативная идеология, революция, культура, «Вехи».

Abstract. The article reveals the tendency of Russian scientific intelligentsia's overcoming radical nihilist moods at the turn of the 20th century. The authors of the periodicals "The Problems of Idealism" and "Vekhi" (Milestones) long before the revolutionary collapse of the Russian Empire exposed the revolution's destructive ideals establishing the tradition of positive socio-cultural analysis of civilization and laying the ideological foundations of unifying the society on a liberally conservative basis. That was the beginning of the awareness of the leading role of the cultural layer of the nation. The "Vekhi" socio-philosophical analysis of Russian civilization is still topical nowadays and treasured by modern Russian scientists.

Key words: civilization, intelligentsia, liberally conservative ideology, revolution, culture, "Vekhi".

Рубеж XIX–XX вв. был знаменателен для России преодолением отставания в научной и экономической сферах от лидирующей Европы. В новый век страна вошла с развитой научной лабораторией, поднятой на новый уровень культурой. Однако, по мнению части общества, в социальной сфере оставались неразрешёнными определённые вопросы национального бытия, продуцировавшие кризисные явления.

Во второй половине XIX в. в обществе распространяется мнение о культурном «расколе» нации: в среде аристократии и быстро расширяющегося слоя разночинской интеллигенции рождается комплекс «оторванности» от «народа». С одной стороны, эти слои ещё не теряли ощущения своей причастности единому национальному организму. С другой, слишком быстрый, по историческим меркам, скачок российской цивилизации к новому уровню культуротворчества создал в образованных слоях нации чувство дискомфорта, что заставляло их искать выход из «раздвоенности» национального организма. Рождённое на этом пути специфически российское явление «народничества» – идеи интеллигенции о «народе» как носителе неких высших идеалов, привело к акцентированию внимания общества на социальных

проблемах [5, 63-64]. В итоге происходит политизация сознания интеллигенции, причём политизация радикалистская, противогосударственная и, в глубинном смысле – противодуховная и противокультурная.

Широкая дискуссия о кризисе российского общества и государства развернулась в среде интеллигенции в пореформенной России. Критики государственного строя и политики были представлены двумя основными лагерями – либералами и социалистами. При этом официальная часть образованного класса под давлением «общественного мнения» также нередко сочувствовала критике. Однако до выработки общенациональной творческой позиции дело не доходило.

Несмотря на общую тенденцию русского культурного класса к «сближению» с «народом» и на его критику самодержавия, уже в конце XIX в. наметился сдвиг части либеральных мыслителей в сторону национально-государственного консерватизма. Знаковым стало отречение от радикалистских убеждений и действий одного из лидеров народнического движения Л.А. Тихомирова и переход его в стан строителей национальной государственности, включение в творческую работу по изучению научно-философской проблематики российской цивилизации. И уже на рубеже веков в среде научной интеллигенции появляется целое течение «отказников» от радикалистских убеждений. Ряд бывших марксистов выступают в кон. XIX – нач. XX в. с научной критикой марксизма. Так, видный «легальный марксист» П.Б. Струве уже в 1894 г. публикует «Критические заметки»; С.Л. Франк в 1900 г. – критический этюд «Теория ценности Маркса и ее значение». В 1900 г. Булгаковым С.Н. была защищена диссертация «Капитализм и земледелие», в которой учёный отрицал универсальность марксизма, показал его несостоятельность для анализа российской цивилизации. Противоречиям марксистского мировоззрения посвящена также его книга «Карл Маркс как религиозный тип» (1910).

В 1902 г. противники радикалистских теорий, перешедшие на академические рельсы

изучения проблем российской цивилизации, объединяются в научном сборнике «Проблемы идеализма». Инициатор сборника П.И. Новгородцев обращается к мыслящим о благе общества читателям задуматься об «абсолютных заповедях и принципах», составляющих фундамент этого самого общества [10, VIII]. Именно практические вопросы общественной жизни, потребности нравственного сознания выдвигают проблему должного нравственного идеала, и потому поворот к фундаментальным вопросам философии – это не отвлеченные мысли, не плод теоретической любознательности учёных.

Основательно освоившие марксизм «идеалисты» обнаружили удивительное мировоззренческое противоречие революционных теорий: народники и марксисты изгоняли метафизику из индивидуального сознания, но в своих теориях исподволь внедряли её в социальное бытие. Метафизические проблемы радикалисты пытались решать в естественнонаучных понятиях и «обличали» метафизику в неподвластности естественным законам. Но у метафизики иной предмет, и его невозможно понять с естественнонаучным инструментарием, ибо нельзя войти в сам предмет. Тем не менее, объективно социальные радикалистские теории обнаруживали метафизический подход. С.Н. Булгаков прямо указывал на религиозную сущность идеологии Маркса, который строит свои «законы» по религиозным схемам абсолютных истин. Но в том-то и дело, что антихристианский марксизм создаёт мнимую религиозность, основанную на теодицеи науки. И Булгаков С.Н. пророчески предупреждал, что поступательное развитие рабочего движения неизбежно приведёт к десакрализации марксистской «религии», понизив её «до полной духовной буржуазности». Сделав вывод о наличии бессознательной метафизической потребности интеллигенции, авторы «Проблем идеализма» задаются вопросом: зачем создавать псевдорелигиозные учения? Необходимо вернуться к духовным основам бытия, источник которых – в «возвышающей философии

идеализма, вечном сиянии абсолюта» [4, 46]. Этот абсолютный фундамент и есть вечно обновляющийся источник нравственного энтузиазма. Так отошедшая от радикалистских идей либеральная интеллигенция начала XX в. языком науки пыталась вернуть своих «собратий по классу» к духовным основам бытия, напомнив интеллигенции ее цивилизирующую роль в обществе.

Когда вызревавший в XIX в. культурно-цивилизационный кризис разразился революционными потрясениями 1905–1907 гг., «идеалисты» в сборнике «Вехи» (1909 г.) продолжили здоровую тенденцию направления русского культурного слоя на преодоление «народнического комплекса» и включения в творческий процесс национального постижения. Уже в предисловии к «Вехам» М.О. Гершензон отметил ложность интеллигентского заострения внимания на «общественных формах», радикализм и фанатическую нетерпимость социальных доктрин, что делало интеллигенцию «изолированной в родной стране», бесплодной и выводило из общенационального творческого процесса [6, 23]. Струве прямо указывал на «великую во всяком государстве» роль образованного класса, «обусловленную культурной функцией просвещения» [11, 139]. Однако в России сложилось так, что ведущий культурный слой нации, вместо того, чтобы быть вдохновителем культурного и хозяйственного творчества, направлял инстинктивные стремления масс к упрощению общественных явлений, разжигал тягу к хозяйственному переделу.

Обозначенный спорами западников и славянофилов вопрос о «расколе» русского народа на европеизированную образованную часть и общую массу Струве переводит в иную плоскость, проводит другую линию раскола, разделяя ведущий культурный слой на две категории – «интеллигенцию» и «образованный класс». Если Петровская эпоха создала в России новый образованный класс в соответствии с потребностями исторического развития, то радикальная интеллигенция в пореформенные 1860-е гг. с «развитием

журналистики и публицистики» «явственно отделяется от образованного класса, как нечто духовно особое» [11, 142]. Специфика этого нового общественного слоя, приобщенного к социокультурному воздействию на нацию, обозначается Струве как «безрелигиозное отщепенчество от государства», от его «идеи и реального воплощения» [11, 143]. Именно здесь видит он ключ к пониманию истоков российского социокультурного кризиса. В 1860-е гг. Бакунин и народники поставили часть интеллигенции в контрапозицию к государству и Церкви, т. е. оторвали её от основ российской цивилизации, от участия в процессе органического культурного развития нации. Необходимо подчеркнуть это указание Струве на оторванность интеллигенции от духовно-культурных национальных корней как на фундаментальную в понимании уже полуторавекового (с 1860-х гг.) кризиса российской цивилизации, прошедшего несколько этапов в своем развитии: имперский, советский, постсоветский. Все три этапа кризиса объединены одним явлением, которое ярко и точно обозначил П.Б. Струве: «безрелигиозное отщепенчество от государства».

В действительности базовыми понятиями цивилизации являются государство, религия, культура, хозяйство. При этом русская радикалистская (нигилистическая) интеллигенция с XIX в. оторвалась от:

- 1) государства, обвинив его в «отсталости», в борьбе с «прогрессом»;
- 2) религии – все революционные движения в России были противорелигиозны;
- 3) культуры как внешнего самовыражения духовного национального склада (не случаен «слёт» космополитичной, безрелигиозной массы революционеров всех мастей на «труп» Российской империи – им не было необходимости иметь общие духовно-культурные интересы, они объединялись на основе не связанных ни с какой традицией «доктрин» переделки «человеческого материала»);
- 4) хозяйства, ибо не участвовали в производственной сфере экономики – науке, сельском хозяйстве, промышленности, ис-

кусстве, все они были «профессиональными революционерами», т. е. разрушителями.

Обозначенный «Вехами» политический (как и духовный, культурный, хозяйственный) радикализм интеллигенции происходил также из ее политического легкомыслия и неделовитости. Радикалистская интеллигенция («профессиональные революционеры») заражали находящийся на пути становления нового общества (развитие капитализма и демократии) русский народ своим непрофессионализмом и легкомыслием. Пропаганда социального упрощения льстила «низам»: для социального роста нет необходимости совершенствовать свои духовно-культурные качества, профессионализм, надо просто всё «поделить заново» и упростить. Отринувшая своё культурное призвание, радикальная интеллигенция отринула и свою цивилизирующую роль в воспитании граждан правового государства. Она возбуждала себя и массы к противоправному переделу, как пути к «равенству» и «справедливости». И потому – «революция есть духовное детище интеллигенции», по сути «революция была интеллигентской» [3, 44].

Авторы сборников «Проблемы идеализма» и «Вехи» сделали первый шаг к выработке общенациональной интеллектуальной позиции, опять же начав с критики, но критики творческой, и притом самокритики – с самоанализа положения, задач, перспектив ведущего культурного слоя Российской цивилизации. Булгаков поставил перед интеллигенцией задачу встать на новые практические пути: «Россия нуждается в новых деятелях на всех поприщах жизни: государственной – для осуществления “реформ”, экономической – для поднятия народного хозяйства, культурной – для работы на пользу русского просвещения, церковной – для поднятия сил учащей Церкви, её клира и иерархии» [3, 63]. Для этого, по словам Н.А. Бердяева, необходимо сменить старые интеллигентские лозунги и вспомнить о России: «регулятивными идеями должны быть идеи личности и нации, а не интеллигенции и класса». Это даст понимание не-

обходимости начать «внутреннее устроение своей личности и внутреннее устроение своей родины» [1, 51].

То, что вокруг «Вех» развернулась широкая дискуссия во всех кругах российского общества, показало: авторы заострили внимание именно на тех проблемах, которые волновали общество. Как писал один из оппонентов, авторы «Вех» «положили начало весьма напряженному и глубокому общественному размышлению над вопросами о русской интеллигенции, о переживаемом ею теперь кризисе, а вместе с тем и над очень многим другим, что совершалось и совершается в русской жизни», об «исторической обстановке» в России [7, 230].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв., после полувекового углубления социокультурного кризиса, в научных кругах либерально-консервативной интеллигенции появились тенденции преодоления нигилистического отношения к историческому пути России, понимание, что кризис российского общества имеет глубинную связь с состоянием его ведущего культурного слоя. Приходило понимание, что интеллигенция – не просто социальная группа, но та часть нации, что призвана быть лидером в культурно-цивилизационном строительстве. При этом национально мыслящие либерал-консерваторы верно определяли основные причины социокультурного кризиса российской цивилизации, в первую очередь – конфронтация интеллигенции с государством, ее духовная индифферентность, слабость национального самосознания.

Когда прививка политического радикализма и нигилистических утопий к социальному радикализму нации удалась, власть в России перешла к людям, далёким как от культуры, так и от национальных интересов. Бердяев после краха Российской империи обвинил нигилистическую интеллигенцию, нахватавшуюся «верхушек западной мысли», в неспособности как проникнуть в глубинные тайны европейской мысли, так и «постигнуть тайну России» [2, 32-33]. Ильиным вся эта генерация недоучившихся «вечных студентов»

была отнесена к категории «полуинтеллигенции»: обладающие частичными знаниями, но никогда не углублявшиеся до профессиональных навыков, они могли воспринимать только поверхностные общественные идеи. И такое самоуверенное полу-знание распространялось в широкие слои нации. А.И. Солженицын хлёстко назовёт революционную интеллигенцию – «образованщина».

Критический анализ русского общества сторонниками эволюционного развития России оказался довольно верен, что показали события 1917 г. Не прислушавшееся к рассуждениям академических учёных о специфике российской цивилизации и её опасностях, либеральное доктринёрство разрушило исторически устоявшуюся в России социально-политическую систему. Однако «февралисты» оказались перед фактом неуправляемой страны. Возникшее в первые дни революции двоевластие Временного революционного правительства и Советов депутатов подталкивало страну к гражданской войне. При том, что революционные партии усугубляли кризис, либеральное доктринёрство продолжало жить по давно обветшавшим и разоблачённым «Вехами» прописям, пока окончательно не упустило власти из рук. В первой половине октября 1917 г. в газете «Утро России» в статьях И.А. Ильин об отказе А.Ф. Керенского от «водворения дисциплины в армии и порядка в стране» разоблачалось всё то же либеральное доктринёрство и сентиментальная беспомощность перед надвигающимся всероссийским погромом. Ильин И.А. указывает на председателя Временного правительства как на человека, который «вообще не понимает, в чём состоит сущность государственной власти», в неосведомлённости о том, что происходит в стране [9, 179]. Об этом непонимании писали за восемь лет до него М.О. Гершензон и П.Б. Струве.

После же свершившегося захвата власти большевиками, когда поредевший от войны ведущий культурный слой был отстранён от власти группой международных террористов, началось «избиение культурного мень-

шинства тёмною толпою» [9, 181]. Предупреждения учёных оказались точными: темная толпа, возбуждённая полуинтеллигенцией, пошла на штурм духовно-культурных основ цивилизации. Неведение либералов было преодолено широковещательными обещаниями радикалов.

«Веховцы» продолжили анализ углубившегося кризиса по горячим следам революционных потрясений. В сформированном в 1918 г. сборнике «Из глубины» Изгоев делает вывод о логической неизбежности большевистской политики: «Под каждым своим декретом большевики могут привести выдержки из писаний не только Маркса и Ленина, но и всех русских социалистов и сочувственников как марксистского, так и народнического толка... Чхеидзе, Чернов, Церетели, Скобелев, Некрасов, Ефремов, Керенский говорили и проповедовали то, что принципиально должно было привести к господству большевизма, решившегося, наконец, воплотить в дела их речи» [8, 152].

Безусловно, на углубление российского кризиса влияли и иные причины. Так, одной из особенностей России как европейской цивилизации (мы её считаем таковою) была дискретность ее исторического развития. Реформы всегда шли с большим запозданием, как вынужденное действие перед лицом серьезных проблем. Так произошло с отменной крепостного права, которая, по логике исторического развития, должна была мягко и последовательно осуществиться в течение двух – трёх десятилетий если не в XVIII в., то в начале XIX. Вековое запаздывание породило тяжелые противоречия, когда национальной экономике потребовалась форсированная модернизация. Что касается начала XX в., то удивляет гибельный непрофессионализм верховной власти, недалекость правительственной политики, отсутствие кадровой политики, крупные геополитические просчёты. Поражает нежелание власти к диалогу с той частью интеллигенции, которая возвращалась на путь социокультурного строительства (за исключением гения русской политики П.А. Столыпина, который

и Л.А. Тихомирова поддерживал, и на «Вехи» обратил благосклонное внимание). Безусловно, запаздывание цивилизации в ответах на исторические вызовы чревато углублением социокультурного кризиса. И 1914 г. стал финалом профессиональной непригодности власти. Как верно писал Н.А. Бердяев, «русская революция есть производное от мировой войны» [2, 32]. Февраль 1917 г. разоблачил народнические и западнические иллюзии либеральной интеллигенции, Октябрь стал крахом всех иллюзий, гибелью вековой цивилизации.

Таким образом, появившаяся на рубеже XIX–XX вв. в среде российской научной интеллигенции серьёзная тенденция преодоления радикально-нигилистических настроений и возвращения в лоно национального социокультурного процесса дала ей возможность обнаружить новое понимание цивилизационного кризиса России. В основе этого понимания лежал критический анализ места и роли культурного слоя нации в развитии цивилизации. То течение мысли национальной интеллигенции, которое можно в широком смысле обозначить как либерально-консервативное, смогло на философско-историческом уровне осознать ошибочность утилитарных представлений о культуре как прикладном явлении (по отношению к экономике, материальной жизни общества в целом), увидеть ее ведущую роль в формировании общества, государства, цивилизации. Пришло естественное понимание, что интеллигенция сама является народом и должна не безвольно «каяться» в своей «оторванности» от «народа», но культурно вести нацию к новым уровням её культурно-исторического бытия.

P.S. Известный исследователь «веховской традиции» В.И. Толстых к своему 80-летию обнаружил, что в России вспоминают и перечитывают «Вехи» «на каждом историческом разломе», что подчёркивает: именно здесь обозначены ключевые моменты российского социокультурного развития [12, 141]. Однако выводов не делает никто: ибо интеллигенция в очередной раз уходит в «насуточные» вопросы политики, а политики – в удержание «руля» в своих руках.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н.А. Исторические записки о современности // Московский еженедельник. 1910. № 9. Стлб. 45-52.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990. 286 с.
3. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 43-84.
4. Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса // Проблемы идеализма. С. 1-47.
5. Вострикова В.В. Государство и общество: сотрудничество или противостояние? (Позиция идеологов российского либерализма начала XX века) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2010. № 1. С. 61-65.
6. Гершензон М.О. Предисловие // Вехи. Интеллигенция в России. С. 22-23.
7. Гредескул Н.А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Вехи. Интеллигенция в России. С. 227-269.
8. Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // Из глубины: Сб. ст. о русской революции. М., 1990. С. 151-173.
9. Ильин И.А. Отказ г. Керенского // Ильин, И.А. Собр. соч. Т. 9-10. С. 178-182.
10. Новгородцев, П.И. Предисловие // Проблемы идеализма. М., 1902. С. VIII-IX.
11. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Интеллигенция в России. С. 136-152.
12. Толстых В.И. Вехи–2009 // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 132-141.